

О. Таркус, П. Стефано́ни¹
H. Tarcus, P. Stefanoni

ЛЕВЫЕ В АРГЕНТИНЕ СЕГОДНЯ

THE LEFTS IN ARGENTINA TODAY

Аннотация: Левых в Аргентине отличает разнообразие внутренних дискуссий, большое влияние на культуру страны, но в то же время они страдают серьезными противоречиями, у них сложные отношения с перонизмом. Среди левых сосуществует многообразие традиций, от левого популизма до троцкизма и слабых социал–демократических корней. В данной статье дается общая панорама течений и политических культур левых; особое внимание уделяется процессам реформирования левых после кризиса 2001 г., приведшее к власти Нестора Киршнера и Кристину Фернандес, которые стали союзниками левого латиноамериканского блока. Рассматриваются процессы развития влияния радикальных левых в профсоюзах и студенческом движении, а также роста и поворота части левых к автономизму под влиянием мексиканского сапатизма и теорий Антонио Негри и Джона Холлоуэя. Анализируется опыт правления Киршнеров и позиции левых в отношении левоцентристского перонизма.

Ключевые слова: левые, социализм, перонизм, кризис декабря 2001 г., Аргентина

Abstract: The Argentine left movements are rich in terms of debates and cultural influence but are characterized for their divisions and complex relation with Peronism at the same time. Within these movements, there is a plurality of traditions ranging from left populism to Trotskyism, including a weak social democracy. This article presents a possible map of political currents and cultures. We focus

---

¹ *Орасио Таркус* — директор Центра документации и исследований левой культуры Аргентины (CEDinCi). *Пабло Стефано́ни* — главный редактор журнала «Nueva Sociedad» и член Центра интеллектуальной истории Национального университета Кильмес (UNQ), Аргентина.

particularly on the rebuilding of the left-wing political spectrum after the December 2001 uprising, which allowed Nestor Kirchner and Cristina Fernández to reach the presidency — who were aligned with the Latin American “pink tide”. We also focus on the development of radical left movements in various trade and students’ unions, and on the rise and decline of the autonomist left, influenced by the Mexican Zapatist movement and by thinkers such as Antonio Negri or John Holloway. Finally, we provide a balanced consideration of the Kirchnerist experience and of the various political stances of the left vis a vis the left centered Peronist version.

Keywords: left movements, socialism, peronism, December 2001 uprising, Argentina.

Характеристики аргентинских левых партий и организаций весьма различны, часто противоречивы. Здесь предлагается их обзор, претендующий лишь на то, чтобы стать некой основой для понимания сложности этого идеологического комплекса. Ведь надо учесть, что для сегодняшнего поколения аргентинцев Сталин является далеким кошмаром, Троцкий — героем романа кубинца Леонардо Падуры, а Мао — колоритным портретом Энди Уорхолла. В статье, опубликованной в 1993 г. вскоре после краха реального социализма, Норберто Боббио утверждал, что в последнее время «единственное убеждение левых — это сомнение в самих себе». Книга, в которой опубликована эта статья, провокационно называлась «Левые, нулевая точка». Другой автор, Михаэль Вальцер, добавлял: «Мы находимся в периоде неопределенности и растерянности». Ричард Горти шел еще дальше: «Необходим долгий период терминологических коррекций и психологического приспособления, чтобы левые западные интеллектуалы привыкли к мысли, что не только «социализм», но и все другие слова, которые обрели силу из идеи о существовании альтернативы капитализму, утратили своё значение»². Но несмотря на суровый диагноз, левые не исчезли. Они также не перестали петь «свои песни», а из-за отсутствия антикапиталистической перспективы использовали в качестве исходного пункта антинеолиберализм, особенно в Латинской Америке. На нашем континенте левая альтернатива носит в основном антинеолиберальный характер, а иногда просто антилиберальный.

Аргентина не могла остаться в стороне от этих перемен, особенно после кризиса 2001 г. Но кого мы имеем в виду, когда говорим об аргентинских левых? Особенность этой страны в том, что термин «ле-

---

² *Giancarlo Bosetti* (Cnup). *Izquierda punto cera*. Barcelona, Paidós, 1993.

вий» здесь обычно употребляют в отношении радикальных левых, оставляя термин «левый центр» для более умеренных. В Европе, напротив, в понятие «левые» включают социалистические и коммунистические партии, а термин «ультралевые» используется для обозначения наиболее радикальных антикапиталистических сил.

Существуют разные подходы к определению левых. Один исходит из их программы, в то время как другой делает акцент на позиции левых в политической борьбе и их отношении к другим политическим силам. Для одних левые определяются своими традициями и идеями, для других — положением на «левом» фланге политического спектра. Для первых левые — это коммунисты, социалисты, троцкисты, геваристы. В этом случае термин «левый перонизм» будет оксюмороном. Для других левым является народный национализм или революционный опыт, который в периферийных странах занимает место левых, когда те оказываются вытесненными из политики, упрямо придерживаясь различия левый — правый. Оба подхода исходят из нормативного рассмотрения того, чем левые должны быть, заранее устанавливая, что все ветви левого сообщества, не отвечающие этому определению, не являются левыми и должны оставаться вне ее.

Мы постараемся избежать этого нормативного груза, поскольку считаем корректным предложить типологию, не исчерпывающую, а включающую в себя различные направления аргентинских левых: от перонизма до классических левых, рассмотрев социализм, коммунизм, автономизм. Ограничим данную статью сообществом левых политиков, то есть оставим за ее рамками важную группу так называемых «социальных левых», деятельность которых охватывает пространство от борьбы против иностранщины до боев в защиту сексуальных меньшинств и гражданских прав, таких как однополый брак, но в то же время выходит за рамки понятия «делать политику». В последнее время эта тематика, преодолевая сопротивление, была включена в программы традиционных партий.

ЛЕВЫЙ ПОПУЛИЗМ

Несомненно, что возрождение левых происходило в результате слияния новых и старых левых, занявших важные позиции в национальной политике после неолиберального поворота в национал-популистских (национал-реформистских) движениях в 90-е годы (от апризма до менемистского перонизма). В Аргентине это произошло с киршнеризмом. Впервые в середине первого десятилетия этого века

перонизм принял левоцентристский облик, предъявил свои права на наследие боевого перонизма, который всегда отвергался «маккартизмом» ортодоксального перонизма.

В действительности правительство Нестора Киршнера сначала проводило эту линию скорее как эксперимент, в умеренной форме с точки зрения идеологии, апеллируя к республиканизму, укоренённому в средних слоях (реформа Верховного суда, политика прав человека). Затем, вслед за «кризисом в сельском хозяйстве» и «культурной революцией» оно опиралось на идеологемы семидесятых годов (народ против олигархии), эта политика была усилена и обращена к молодому поколению. Как и боевой перонизм 60–х годов («В Аргентине коммунистами являемся мы», — Джон Уильям Кук), киршнеризм старался предстать в качестве реально существующей левой альтернативы по сравнению с мелкими группами левых, критиковавших его реформы. Торкуато Ди Телля в споре с Маристельей Свампой отмечал, что «в Аргентине реальные левые — это не малочисленные партии и движения, а киршнеристский перонизм». Сама Кристина Фернандес в 2014 г. заявила, что «слева от меня только стена»³.

В отличие от Боливии, Венесуэлы и Эквадора, где сформировались новые левые народно–национальные движения, в Аргентине объединение левых и национализма произошло внутри традиционной партии, перонизма. В этом была его сила и слабость. Эта ситуация возродила некоторые черты риторики 60–70-х годов, ставших народным эпосом: противопоставление нации и антинации, утопия прямого общения лидера и мобилизованного народа. Этот дискурс восстанавливал традиции латиноамериканизма, что проявилось во внешней политике в сближении с подобными же движениями на континенте, а также во внешнеполитической переориентации — удалении от США и сближении с такими державами как Россия и Китай. Одной из высших эмоциональных точек этого «левого популизма»⁴ было празднование двухсотлетия начала Войны за независимость в 2010 г., во время которого произошло оформление дискурса «вновь обретённой» нации и «родины для всех». Президент Кристина Фернандес де Киршнер предала забвению такие исторические фигуры, составлявшие основу школьного исторического воспитания, как генерал Рока или Мануэль Бельграно, и с созданием Института Доррего обратилась к историче-

---

³ «Тех, кто хочет обойти меня слева, я ставлю в известность: слева от меня знаете что? Стена» — *La Nación*, 15.08. 2014.

⁴ Мы используем это определение не в уничижительном значении, а в аналитическом.

скому ревизионизму, полвека пребывавшему в спячке. После смерти Нестора Киришнера и последующих изменений стала формулироваться любопытная концепция мифа лидерства Киришнера, в реальности бесцветной фигуры, чьим стремлением с 2003 г. было построить новую «страну всерьез», и который «действовал ответственно», хотя и оставался «мечтателем». Но чтобы преодолеть политический крах декабря 2001 г. и дефицит своей легитимности (на выборах Киришнер получил скудные 22%), вернуть доверие политикам (по крайней мере, правительству), укрепление киришнеризма шло параллельно с укреплением государства. В конечном итоге одно укрепляло другое, поскольку киришнеризм, как мы знаем, есть конструкт, идущий от государства.

Прежде чем стать проектом или программой, киришнеризм возник в результате резких политических изменений, он основывался на биографии лидеров 70-ых годов, импровизируя и формируя свою позицию по ходу событий. Его способность реагировать и действовать привели к убеждению, что «киришнеризм всегда выбирает левую позицию». Тем самым он привлек к себе молодёжь и деятелей культуры (в этом смысле он был менее перонистским, чем традиционный перонизм), но его связь с народными настроениями и такими институтами как Хустисиалистская партия и Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) всегда была проблематичной (в этом отношении киришнеризм был менее перонистским). Киришнеризм соединял в себе прогрессивную политику, противоречия, заложенные в модели развития, и изрядную долю моральной неразборчивости, что, в конце концов, дискредитировало политику «возвращения (усиления) государства».

Заняв место левого центра, киришнеризм поставил более мелкие объединения перед дилеммой: или политически раствориться внутри киришнеризма, или уйти в оппозицию, что было равнозначно переходу в правый сектор политической сцены. Одним из таких вариантов был Проект «Юг» Пино Солано, который на время объединил Подлинную социалистическую партию, Социалистическое движение трудящихся, Революционную коммунистическую партию (маоистскую) и Партию «Буэнос-Айрес для всех» (ныне Народное Единство), а также привлек активистов и интеллектуалов обсуждением таких тем как борьба с сырьевой специализацией страны и политическая экология. С той дилеммой столкнулись движение «Свободные Юга», которое входило в киришнеристское правительство до 2008 г., а затем примкнуло к левому центру, Широкому прогрессивному фронту, УНЕН, и, наконец, к Прогрессивной коалиции Маргариты Стольбисер. Их лидером и известной фигурой является В. Донда. Та же история была и у группы,

созданной Э. Каррио, которая после победы Н. Киршнера перешла в Гражданскую коалицию, ставшую движением правого центра.

В отличие от других национально-народных движений в регионе, прежде всего венесуэльского и боливийского опыта, киршнеризм не действовал как классический популизм в смысле разделения политического поля между теми, кто наверху, и теми, кто внизу (Лаклау). Народные силы в стране восстали в 40-е годы, и кризис 2001 г. облегчил выдвижение новых требований и ожиданий городскими средними слоями, на которые киршнеризм обещал найти ответ. Поэтому Маристелья Свампа говорила о «популизме средних слоев», а Мартин Родригес о «борьбе средних классов». Как точно заметил Родригес, киршнеризм стал «конструировать народ» только после сельскохозяйственного кризиса в 2008 г.⁵ В этом контексте поляризации киршнеристский «проект» компенсировал дефицит риторики, отсутствия образов и традиций, и только после публикации «Открытого письма» перестал быть лишь интеллектуальным кружком и обрел политическое звучание. Не только популистские интеллектуалы, но и молодежь оказалась под влиянием народного дискурса киршнеризма. Среди членов молодёжной киршнеристской организации «Ла Кампора» преобладала идея «идти в народ», нежели «вырасти из народа».

Оставив в стороне все ироничные оценки, отметим верность утверждения, что несмотря на политику социальной инклюзивности, как например, «Всеобщее ассигнование на ребёнка» (детское пособие), киршнеризм не смог создать своей народной идентичности. Организованные им большие собрания народа, как уже упомянутое празднование 200-летия Майской революции, представляли собой далекие от плебейских политические и эстетические действия, и даже когда с созданием Технополиса туда действительно был привлечён простой народ, в социальных сетях его сразу стали называть «Негрополисом». То же самое произошло с образом Киршнеров как борцов времен военной диктатуры 70-х гг., что не входило в сонм привычных народных образов. Действительно, включение в киршнеризм движений за права человека представляло собой одним из факторов, который позволил создать прогрессистскую идентичность киршнеризма, но при этом вызвал серьёзные проблемы с организациями, возникшими в борьбе против репрессий военных режимов, а затем боровшихся против помилования виновных военных.

---

⁵ *Maristella Svampa*, “La década kirchnerista: Populismo, clases medias y revolución pasiva” // *Lasaforum*, otoño 2013; *Martín Rodríguez*, “La lucha de clases (medias)” // *Artepolítica*, 9. 07. 2012.

«Длинное десятилетие» было отмечено приходом к власти и смертью Нестора Киршнера, а затем неожиданным появлением его образа как мифического героя нации. Фигура вечного Нестора⁶ неким образом обобщает суть этих лет со всем реальным и вымышленным, вытекающим из мифологизации политика, чья жизнь была отмечена отсутствием мистики. Несомненно, наследие семидесятых в эти стало подобием фарса, хотя в любом случае лучше было жить с этим фарсом, чем в реальных условиях 70–х годов.

Несмотря на это потеря государственной власти в 2016 г. продемонстрировала всю хрупкость здания киршнеризма. Не впадая в апокалиптические прогнозы, сопровождавшие падение перонизма (1955), отметим, что левый популизм, несомненно, столкнулся с серьезным кризисом и перестройкой перонизма с возвращением к его традиционным формам. Недавно историк Хавьер Тримболи писал: «Нам мешает тот тип мобилизации, который киршнеризм вызвал к жизни — её пик пришёлся на празднование 200-летия начала Войны за независимость и на время смерти Нестора. Возможно, 9 декабря 2015 г., когда было необходимо вмешаться в нынешнюю ситуацию, эта мобилизация оказалась неэффективной. Она никого не напугала, что очень показательно, и оказалась неспособна остановить производство и нарушить повседневную жизнь общества. Ее также не услышал никто вне круга друзей, которые ставят лайки — мне нравится — в фейсбуке. Нежность из жалости».

Этот тип мобилизации, а он является знаковым для данного политического проекта, всегда испытывал большое недоверие к любому автономному проявлению общественной активности, слишком зависел от его лидера и ресурсов государства. Здесь кроются трудности, последовавшие вслед за победой Маурисио Макри на выборах в конце 2015 г., когда строительство или реформирование власти пришлось начать с нуля. Посмотрим, чем станет киршнеризм в процессе трансформации перонизма.

АВТОНОМИСТСКАЯ ЛЕВАЯ

События 2001 г. положили начало развитию небольшого, но очень динамичного политического и социального сообщества: так называемых «автономистских левых», «независимых левых». На самом деле декабрь 2001 г. стал пиком опасного кризиса политического предста-

---

⁶ Рассказ о мифическом герое и об исторической прививке вымыслом о «Вечном» создан Э. Германом Остерхельдом и Ф. Солано Лопесом в 50–е годы.

вительства, корни которого кроются в упадке политики, начавшемся в десятилетие правления Менема и усилившемся во время правления Альянса радикалов, когда государство оказалось неспособно гарантировать выполнение своих основных функций: эмиссию национальной валюты, принимаемой экономическими агентами, сбор налогов; гарантию банковских депозитов, и в конце концов, утратило монополию на законное насилие⁷. Совпадение экономического кризиса, который привёл к прекращению конвертируемости национальной валюты, с серьёзнейшим социальным кризисом, вызвавшим рост слоёв и групп населения, исключённых из общественной системы, а также кризисом политического представительства, что вначале проявилось на выборах абсентеизмом и голосованием испорченными бюллетенями, создало особую обстановку, в которой возникли новые формы организации и политического действия.

Одним из таких явлений независимого левого сообщества конца 90-х годов стало Движение 501. Его сторонники, в большинстве своем молодые студенты, голосовали за независимые списки на выборах в университетах, такие как ТНТ⁸ Анхеля Кисильофа. Для этого в октябре 1999 г. они ездили в Сьерру-де-ла-Вентана, находящуюся более чем в 500 км от места проживания, что по закону освобождало избирателя от обязательного голосования в том момент, когда выбор заключался между кандидатами в президенты Фернандо де ла Руа или Эдуардо Дуальде, одинаково неспособных вдохнуть новую жизнь в неолиберализм. Этот тип перформанса, названный «неоанархистским», был отвергнут даже прогрессивными журналистами⁹, но политика перестала интересоваться это движение, также как и добрую часть критически настроенных интеллектуалов¹⁰. Политика уже делалась не на избирательных участках, а на улицах, не в традиционных партиях, а в новых возникших организациях, что продемонстрировали движения пикетчиков и местных ассамблей на уровне района, никак не связанные с фактически отсутствующим государством и переживающим кризис политическим режимом.

---

⁷ Эти проблемы ярко и драматично высказал в начале 2002 г. такой интеллектуал истеблишмента как Наталио Ботана («У нас демократия без государства и без денег», — интервью Фабиана Босоера. — *Clarín*, 28.04.2001.)

⁸ TNT – Tranza, negligencia y mas tranza (развал, распад и снова развал)

⁹ *Maria Seoane*. Elogio del Km 0. // *Clarín*, Suplemento Zona. 10.10.1999.

¹⁰ Elecciones. La política está en otro lado. *Rodaballo*. Revista de política y cultura. № 2, mayo de 1999.

Трещина между представителями и представляемыми привела к неожиданной самоорганизации горизонтальных движений в форме ассамблей. Этот контекст, кроме всего прочего, был обусловлен влиянием мексиканского сапатизма. Такой политический философ как ирландско-мексиканский мыслитель Джон Холовей — автор книги «Изменить мир без взятия власти» — собирал полный актовыв зал медицинского факультета в начале 2000-х годов, давал интервью ведущим газетам, которые лишь вчера бичевали опыт Движения 501. Речь шла, несомненно, о воодушевляющей формуле для левых, находившихся на пути к взятию власти, но при этом Холовей объяснял им, что лучше этого не делать.

В этих условиях экс-депутат Луис Самора покинул троцкистскую организацию и, став простым продавцом книг, призвал независимых левых обсудить новые формы организации политических действий. В контексте парламентских выборов 2001 г. он рассматривался как серьезная политическая фигура на выборах в г. Буэнос-Айрес, где мог еще раз стать национальным депутатом. Но созданная Саморой в том же году новая организация «Самоопределение и свобода» (AuL) оказалась семейным микроначинанием, она очень скоро вступила в полосу кризиса, когда восемь депутатов, победивших на выборах в августе 2003 г., в конечном счете образовали восемь моноблоков. Самора едва ли не за два года растратил свой политический капитал, хотя выдвинул свою кандидатуру от AuL на следующих выборах, пользуясь своей репутацией честного человека.

«Социальные левые», возникшие в 1990–х — начале 2000–х годов из независимых списков университета Буэнос-Айреса, как например, уже упомянутая ТНТ факультета экономических наук, не смогли создать нового политического движения вне рамок традиционных организаций, как это сделали испанские студенты в Подемос. Кисельоф и большая часть Движения 501 закончили тем, что вначале интегрировались в киришнеризм, а затем в перонизм. Так они стремились стать частью постнеолиберализма, что вскоре ознаменовалось приходом Кисельофа в правительство, который не перестал быть «марксистом» для традиционных перонистов, таких как Гильермо Морон.

В этой части сообщества, называемого «независимыми левыми», выделяется группа, созданная вокруг Движения безработных трудящихся (MTD)¹¹. Это движение стремилось выражать интересы безра-

---

¹¹ *Maristella Svampa y Sebastian Preyra. Entre la rula y el barrio: la experiencia de las organizaciones piqueteras. Buenos Aires: Biblos, 2003.*

ботных, не представленных традиционными профсоюзами, в том числе и левыми. Фабричное, производственное пространство было занято иными силами, поэтому в плебейских кварталах из-за невозможности организовать забастовку на фабрике они прибегли к перекрытию дорог. Часть традиционных левых последовала их примеру: маоизм в лице «Классового и боевого течения», а позднее «Рабочая партия» со своим «Рабочим полюсом», помимо других более мелких групп.

Киришнеризм рос, включая или кооптируя часть этого движения безработных, в особенности национально-народной матрицы — от Федерации земли и жилья Луиса Д’Элия до Движения Эвиты Эмилио Персико и Фернандо «Чино» Наварро и даже ударной группы националистических левых Кебрачо, а также группы «Туapak Амару» Милагро Сала. Но примечательно, что это сопровождалось привлечением членов таких организаций как ТНТ, включая наиболее радикальных автономистов. Этот внешне парадоксальный переход от антигосударственного автономизма к перонистскому киришнеризму отражал особенность того времени. Мы говорим «внешне», потому что за этим парадоксом стоял другой: антигосударственность 2001 г. питалась крахом государства, «отсутствующего» или захваченного предпринимателями, но как только государство надело на себя наряд, «включающий» народно-национальный, часть автономистского конгломерата оказалась не способна сопротивляться и, в конечном счете, стала частью социальной базы киришнеризма.

Одним из проявлений сопротивления этой колонизации со стороны перонизма, вновь национального и народного, стало образование «Народного фронта Дарио Сантьяна» (FPDS), созданного на базе МТД. Оно взяло имя члена организации Дарио Сантьяна, убитого полицией 2 июня 2002 г. вместе с его товарищем Максимилиано Костеки во время протестов в Авельянеде. Фронт перебрался в Буэнос-Айрес, эпицентр левых сил, и к предместья города, которые давали пристанище уже трем поколениям борцов, включавшим самые разные течения левых, незадолго до этого противостоявшие друг другу во враждебных организациях. Они позиционировали себя в качестве антикапиталистов и антиимпериалистов, феминистов и экологов, левых националистов и чавистов (сторонников Уго Чавеса), включая бывших троцкистов из старого «Движения к социализму» (MAS), объединенных вокруг журнала «Herramienta». Они искали выход из кризиса своего проекта, разразившегося вслед за успехами конца 80-х годов.

Но это сопротивление, будучи поглощенным вечно всеядным перонизмом, не помешало FPDS сохранить вместе со своей автономист-

ской матрицей свою популистскую душу: он с большой энергией включался в работу в кварталах, выражая недоверие в отношении выборов. Хотя это течение отвергало присоединение к киршнеризму, как это сделали кисельофцы, они являлись чавистами и поддерживали скорее сентиментальные связи с постреволюционной Кубой, эта модель не стала Меккой для борьбы за власть «снизу». В действительности поддержка чавизма осложняла их положение, так как Чавес поддерживал киршнеризм как реальную политическую альтернативу в Аргентине. Кроме того, долгое время они закрывали глаза на противоречия, которые переживала боливарианская революция, между социальной демократизацией в направлении социализма и построением иерархического государства с воинственной риторикой.

После исчерпания энергии кризиса 2001 г. эти левые столкнулись, с одной стороны, с укреплением государства (социальная политика, традиционный клиентелизм и сокращение безработицы), а с другой, с параллельным возрождением традиционных левых. Политический потенциал создания столовых и других начинаний в народных кварталах, включая обучение, народный бакалаврат, растерялся по мере возвращения государства в сферу политики.

Эта более враждебная левым обстановка привела к различного рода разрывам и расколам среди них, еще больше ослабившим пространство «детей 2001-го», как они сами себя называли. В этих условиях произошел несколько преждевременный скачок на электоральное поле: одна группа стал частью «Фронта Большой Родины», близкого к киршнеризму, а другая (группа «Народ на марше», присоединившаяся к левым группам Социалистическая демократия и Анархистский социализм) вступила в спор с троцкистским «Фронтом левых и трудящихся» (FIT). Несомненно, кризис в этой сфере был плохим фактором для возрождения левых, обнадеженных 2001 годом.

ЛЕВЫЕ, БЫВШИЕ КОММУНИСТЫ

Крах реального социализма в 1989–1991 гг. застал компартию в Аргентине ослабленной и делегитимизированной, она уже в течение пяти лет находилась в процессе самокритики и расколов справа и слева. XVI съезд в 1986 г. привёл к смене поколений в руководстве, оставив коммунистическую геронтократию и одновременно пересмотрев принципы автоматической поддержки Москвы, характеристику компартией военного переворота в Аргентине 24 марта 1976 г. как более умеренного по сравнению «пиночетистским» переворотом и дал

оценку поддержке коммунистами партии правых перонистских кандидатов Итало Лудера и Эрминьо Иглесиаса на выборах 1983 г. Необходимость вновь обрести легитимность среди левых вызвала поворот в дискурсе компартии к латиноамериканизму и чегеваризму. Она больше не признавала в качестве судьи ни КПСС, ни находившееся накануне распада международное коммунистическое движение, но стала ориентироваться на Кубу Фиделя Кастро, сандинистскую Никарагуа, сальвадорский Фронт Фарабундо Марти и даже Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК). Внутри страны КП пошла на два эксперимента с союзниками: сначала с «Фронтом народа» (Frente), а затем с «Объединенными левыми» (IU) в союзе с MAS. Новизна этого состояла в том, что впервые объединились две наиболее влиятельные аргентинские левые партии — коммунистическая и троцкистская, выдвинув на выборах единую кандидатуру президента и вице-президента. Максимального пика мобилизации и общественного признания это союз с коммунистами добился в 1990 г., когда агитировал за НЕТ на референдуме, отвергая менемистскую модель.

В действительности ни один из двух опытов с фронтами не вышел за рамки предвыборного союза и даже в этом плане результат был ничтожным: удалось добиться лишь нескольких депутатских мест. Политика аргентинской компартии в первое десятилетие XXI в. представляется сумбурной: в 2007 г. она объединилась с Гуманистической партией в Широкий латиноамериканский фронт на уругвайский манер, способный противостоять киршнеристскому правительству, с которым она боролась с 2003 г. Тем не менее, в 2008 г., с момента «сельскохозяйственного кризиса», компартия сделала любопытный поворот. С этого момента большая часть партии стала поддерживать правительство Кристины Киршнер, в то же время призывая «углубить модель» левого перонизма. Это привело к виртуальному самороспуску аргентинского коммунизма, растворившемся в киршнеризме при безликом лидерстве П. Эчегарая, равно как и других лидеров партии, практически исчезнувших из политического пространства.

Тем не менее, аргентинский коммунизм со времени кризисов и расколов в 80-90-е годы продолжал развиваться в виде различных образований, существовавших параллельно официальной КП Патрисियो Эчегарая. Так, например, КП Чрезвычайного съезда (РС-СЕ) во главе с Хорхе Перейрой была первой, кто поддержал киршнеризм, а с 2008 г. это сделали «Солидарная партия» кооператора Карлоса Эльера и «Партия новой встречи» Мартина Саббателли. Последняя возникла в 2009 г. как независимая организация, которая поддерживала прави-

тельство в определенных вопросах и конфликтах, не переставая его критиковать за коррупцию, манипуляцию статистикой, финансирование политики, за ограниченность его социальной политики инклюзивности, реформу налогообложения и т.д.¹² Но эта партия закончила тем, что растворилась в киршнеризме, проявляя чрезвычайную активность, включая «верность» ему и полную поддержку, что сочеталось с подчинением перонистскому вертикализму и антиплюралистической коммунистической политической культурой.

ЛЕВЫЕ СОЦИАЛ–ДЕМОКРАТЫ

Это течение восходит к старой Социалистическую партию, восставившую своё единство в 2002 г. История аргентинской социал-демократии извилиста: Аргентинская Социалистическая Партия, ее наиболее левое течение, раскололась на множество групп так называемых «новых левых» в 60–70-х годы, а ее «гиюльдистское» течение, носившее название Социал-демократической партии, стало яростным антиперонистским движением, позже поддержав военную диктатуру. Это нежелательное наследие необходимо было преодолеть при демократии новому руководству, в том числе профсоюзному руководителю Альфредо Браво, отличившемуся в борьбе за права человека.

Это обновление PSD позволило ей сблизиться с Народно-социалистической партией Гильермо Эстевеса Боэра (PSP), которая действовала прежде всего в провинции Санта-Фе, сочетая социалистическую традицию с определенной латиноамериканской гибкостью. Объединение PSD и PSP, казалось, соединило две формы аргентинской социал-демократии: либерально-демократическую и народно-национальную. С другой стороны, ее символические фигуры, Хуан Б. Хусто, Альфредо Паласиос и Алиса Моро чаще упоминаются как сентиментальный пантеон или напоминание о славном прошлом, чем дают основу для критического переосмысления социалистической мысли: это потребовало бы обновления и закрыло разрыв между «давним прошлым» и настоящим. С потерей влияния среди трудящихся, по крайней мере, с 1945 г. это сопровождалось выдвижением гражданских требований, но вместе с морализаторскими речами и соглашательским тоном в политике этого было недостаточно, чтобы дать новую жизнь социализму.

---

¹² «Мы поддерживаем то, во что верим, что значит больше демократии и лучшее распределение богатства. Киршнеризм не улучшает качества демократии и институтов» — *Sabatella M. Vamos a ser independientes. // La Nación. 27.06.2009.*

Одной из исторических сложностей аргентинского социализма было его отчуждение от Гражданского радикального союза (UCR). Оно усилилось, когда в политике социалистов стали преобладать либерально-республиканские аспекты над эгалитаристскими — многое в их публичной политике во власти шло в этом направлении, хотя большая часть их сторонников идентифицировала себя с демократическим социализмом. Речь идет как минимум об исторической слабости попыток утвердить социал-демократический проект в Аргентине.

Каким сегодня является социалистический пантеон? Каким запасом образом и идеей оперирует сегодня Соцпартия? Какой диалог ведет эта партия с современной критической теорией? Интересы каких социальных сил она стремится выразить? Одной из характерных черт современного аргентинского социализма является наличие у него некоего отвращения к «униженным и оскорбленным» вчерашнего и сегодняшнего дня, с которыми он не желает установить связь¹³. В этом плане очевидно, что не исчезают проблемы, которые Хосе Арико изложил в работе «Гипотеза Хусто»,¹⁴ говоря о преградах, мешающих установлению демократического социализма в стране. С одной стороны, предлагается прогрессивная программа, которая подтверждает политическую идентичность социалистов. Однако чтобы установить гегемонию и дальше проводить действенные преобразования, необходимо идти на союз с ненавистными партиями «креольской политики». Эта напряженность таит в себе опасность для социалистов, которые могут остаться «одни против всех» (популистов и консерваторов) или почти раствориться в союзе с UCR.

Несмотря на все это, в рамках своих обещаний обновления Соцпартия с 1980-х годов стала пристанищем для интеллектуалов — критиков, разочаровавшихся и вышедших из других течений (коммунисты, маоисты, бывшие партизаны), таких как Хосе Арико, Хуан Карлос Портаньеро и прочие члены «Клуба социалистической культуры». Тем не менее, диалог между политическими мыслителями и политиками, которые ждали немедленного результата от выборов или действий местных правительств, не дал желаемых результатов: старая партийная структура продемонстрировала такую неподатливость к обновлению и идеологическому творчеству, что оказалась неспособной удерживать тех, кто искал обновления социал-демократической утопии

---

¹³ *Ricardo Martínez Mazzola*. Ni populistas ni conservadores: Dilemas y desafíos del socialismo democrático argentino.// Nueva Sociedad. № 261, enero – febrero 2016.

¹⁴ *Jose Aricó*. La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.

с опорой на национальную действительность. Водораздел между демократическим социализмом, способным актуализировать свое наследие и восстановить перспективу созидательного реформизма, и социал-либерализмом типа Третьего пути с «ключами в руках», является очень расплывчатым, как это показала европейская социал-демократия (Фелипе Гонсалес или Тони Блэр являются символами этого). Политика как чистый консенсус и публичная политика без диалога показывают свою ограниченность в момент появления более амбициозной и способной к изменениям силы.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ

С момента своего возникновения троцкизм переживал серьезные внутренние конфликты из-за разной международной ориентации его различных секторов. Общей характеристикой троцкизма был постоянно заявляемый им интернационализм. Он всегда представлял себя как единственное «последовательное» движение, которое не капитулирует ни перед национализмом, ни перед реформизмом, сохраняя в своей деятельности уважение к классической программе революции, начавшейся в 1917 г. Но эта фаза революции продлилась недолго. Сталинское перерождение покончило с утопией перманентной революции. Тем не менее, троцкизм оказался способным сделать из необходимости добродетель, превратив своё неучастие во власти в доказательство морального превосходства над другими левыми течениями, которые должны были столкнуться с дилеммой выполнения своих программ с приходом к власти.

История аргентинского троцкизма отмечена разделением на маленькие, боевые и во многом похожие друг на друга группы, часто представляющие из себя настоящие «секты» в социологическом значении этого термина, в той мере, в какой его история является героическим сохранением интернациональной и революционной программы во враждебном окружении.

Аргентина является одной из немногих стран мира, где имеется сильное троцкистское течение. Экономист Клаудио Кац заметил: «Троцкизм для левых то же самое, что перонизм для страны: он отражает аргентинское своеобразие в ряде аспектов. В отличие, например, от Франции, где троцкизм также являлся важным движением, но формировался более традиционным способом, противостоя сильной Компартии, в нашей стране троцкизм вырос в пространстве, возникшем из-за отсутствия исторического взаимопонимания между перонизмом

и традиционными левыми (социалисты и коммунисты). Он имел влияние в ряде политических союзов, таких как в 70–е годы повстанческая организация «Революционная партия трудящихся — Революционная армия народа» (PRT–ERP)¹⁵.

Силы троцкизма всегда были небольшими, но положение несколько изменилось в последние годы после объединения трех главных троцкистских течений во «Фронт левых и трудящихся» (FIT): в него вошли «Рабочая партия», «Партия социалистических трудящихся» и «Левые социалисты». FIT продемонстрировал новый стиль пропаганды, что выразилось в переменах в поведении его кандидатов, профессиональном подходе к коммуникациям, продуктивном использовании понятия «левые». Оно стало водоразделом между теми, кто наверху и теми, кто внизу (борьба капитала и труда), консерваторами и прогрессистами (по таким вопросам, как свобода аборт), а также ареной борьбы между честными и продажными (разоблачение связей политиков, предпринимателей, мафии, роль профсоюзной бюрократии и т.д.). Улучшению образа троцкистов способствовало их присутствие в СМИ¹⁶, на что они сами не рассчитывали. Троцкисты завоевали три депутатских места в конгрессе, а также добились нескольких мест в местных legislatures (провинциальных парламентах). Кроме того, возросло влияние троцкизма в профсоюзах и в студенческом движении. Мистика этого движения создается «борьбой» и лозунгом «отдать жизнь борьбе». Эта экзальтация «улицы» идет параллельно с повесткой дня народных требований, выдвигаемых новым обществом, ибо программа троцкистов уже не отвечает современному обществу, она и в значительной мере «спрятана», чтобы не отпугнуть народ и не потерять его поддержку.

Троцкизм порой скатывается к обычному синдикализму. Но в то же время исключительно партийная форма способствует росту внутри движения сектантских тенденций и препятствует взаимопониманию между различными течениями в FIT. На деле Фронт перестал существовать вне избирательного процесса, и взаимные нападки, часто без соблюдения элементарных форм вежливости, стали обыденным явлением. В этом смысле троцкизм подвергается большему риску во время роста его влияния, когда возникают новые проблемы, которые могут разрушить его программную строгость, чем в период сопротивления во враждебной среде, поскольку последняя составляет часть его соб-

---

¹⁵ *Pablo Stefanoni*. El pibe trosko.// Anfibia, 2013.

¹⁶ *Horacio Tarcus y Pablo Stefanoni*. La izquierda radical en tiempos electorales. // Le Monde Diplomatique. Cono Sur, abril de 2015.

ственной идентичности. Троцкизм будет небольшим, но «боевым» течением в аргентинской политике.

Из сказанного очевидно, что у аргентинских левых немало трудностей. Их опыт вооружённой борьбы 70-х годов вместо победы, как это было на Кубе в 1959 г. и Никарагуа в 1979 г., закончился серьезной неудачей. Тупамарос (MLN) в Уругвае также потерпели военное поражение, но они смогли вернуться в народные низы в 1980-х годах и обрести политическую легитимность, немыслимую для аргентинских PRT и ERP. С другой стороны, ни один опыт создания политических альянсов (такие как FP и FRAL) не достиг масштабов Народного единства в Чили или уругвайского Широкого фронта. Течения, появившиеся в декабре 2001 г., оказались не в состоянии создать эквивалент тому, чем пятнадцать лет спустя стал Podemos в Испании. Последующие попытки Центра трудящихся Аргентины (СТА) создать аргентинское подобие бразильской Партии трудящихся оказались забытыми, особенно после того как киршнеризм, начиная с 2003 г., занял всё социальное и политическое пространство. Обещанная Нестором Киршнером повестка дня закончилась возвращением в перонистский загон. Вслед за концом киршнеризма большая часть перонизма тоже сдвинулась в сторону «центра».

Главной проблемой сегодняшнего киршнеризма являются не столько отношения с правыми, сколько с собственной хустисиалистской партией, которая хочет порвать с ним. В то же время другие движения на политической сцене также переживают кризис и сталкиваются с различными дилеммами. Сегодня преобладают настроения крушения надежд, но и в ряде случаев есть готовность к дискуссиям. Возможно, нынешняя политика правых откроет новые горизонты для левых, но это потребует новых форм участия, способности противостоять правым, которые не являются ни постполитической силой как хотел бы Хайме Дуран Барба, ни возвращением к Освободительной революции (военный переворот, свергнувший Перона в 1955 г.) или широкой палитре правых прошлых лет.

Несомненно, баланс между попытками обновления левых и их скромными результатами оставляет горький привкус. Но акцент на сложностях, с которыми столкнулись аргентинские левые или позиционирующие себя «левыми» в начале нового столетия корректируется особой политической конъюнктурой: концом киршнеристского цикла и приходом к власти новых прорыночных правых. Эта ситуация открывает новые возможности, что дает нам основания, не отвергая грамшианский пессимизм разума, иметь определенный оптимизм воли

в отношении возможности обновления левых, чтобы быть готовыми дать эффективный и открытый бой старой и новой несправедливости, порождаемой капитализмом, который всегда способен к видоизменениям. Нам необходим более смелый анализ, не обремененный грузом мертвых традиций и мелким патриотизмом групп.

Но на каком пути могла бы обновиться аргентинских левых? Очевидно, этот вопрос выходит за рамки статьи, хотя необходимо указать, что утопия «нулевого пункта» или «нулевой степени идеологии» — отказаться от всякой идеологии — кажется столь же утопической, сколь и аналитическая неподвижность. Современный парадокс заключается в том, что левые так и не достигли программного объединения, несмотря на кризис капитализма и на то, что некоторые их представители пришли к власти на значительной части Латинской Америки. В последние десятилетия началось глубокое теоретическое обновление левых, в котором участвовали Антонио Негри, Мишель Хардт, Фрейдрик Джеймисон, Д. Харви, Джудит Батлер, Нанси Фрэйзер, Хоми Баба и Гаятри Спивак. Тем не менее, как заметил Р.Кёшеян, «сфера критической мысли» лишена простоты и в то же время удаляется еще больше, чем в прошлом, от политической борьбы в строгом смысле¹⁷.

Критическая мысль, с одной стороны, и серия опытов создания политических союзов, с другой, поставили под вопрос ряд антиномий прошлого. Например, антиномия реформа — революция, которая столетие назад разделила социалистов и коммунистов, начала пересматриваться уже некоторое время назад¹⁸. Антиномия рынок — планирование также была поставлена под сомнение, став объектом бесчисленным пересмотров¹⁹. Левые в целом приняли (хотя и не без осложнений, сомнений и колебаний) требования феминизма и движения LGBT. Дебаты по проблеме политической экологии ещё предстоят аргентинским левым. В то же время значительная часть старых споров между коммунистами, троцкистами и маоистами остались похоронены под обломками Берлинской стены или разрушены очевидной силой китайского капитализма.

Необходимо обсудить, рассмотреть и изучить все традиции прошлого, отбросив догматическую приверженность к какой-либо из них,

---

¹⁷ *Razmig Keucheyan. Hemisferio izquierda. Un mapa de nuevos pensamientos críticos. Madrid, Siglo XXI, 2013.*

¹⁸ *André Gorz. Réforme et Révolution. Paris, Seuil, 1969.*

¹⁹ Для критического пересмотра темы см: *Robin Blackburn. Fin de siècle: el socialismo después de la quiebra. // Después de la caída. El fracaso del comunismo y el futuro del socialismo. /R. Blackburn (ed.). Barcelona. Crítica, 1993.*

не пытаюсь вернуться к нулевому пункту. Мы считаем продуктивным ослабление предварительных границ, созданных в связи с историческими событиями и политической идентичностью партий прошлого. Нам стоит диалектически переосмыслить ключевое противостояние реформа — революция, рассматривая их в равной мере как горизонт утопии. Необходимо соединить «широкие теоретические направления» с «маленькими экспериментальными формами»²⁰, не становясь пленником рассудка, обычаев и эстетики прошлого, с меньшей уверенностью и большим сомнением, но не с меньшей убежденностью.

ЛИТЕРАТУРА

- André Gorz*. Réforme et Révolution. Paris, Seuil, 1969.
- Elecciones. La política está en otro lado. //Rodaballo. Revista de política y cultura. № 2, mayo de 1999,
- Giancarlo Bosetti*. Izquierda punto cero. Barcelona, Paidós, 1993.
- Horacio Tarcus y Pablo Stefanoni*. La izquierda radical en tiempos electorales. // Le Monde Diplomatique. Cono Sur, abril de 2015.
- Jose Aricó*. La hipótesis de Justo. Escritos sobre el socialismo en América Latina. Buenos Aires: Sudamericana, 1999.
- Maristella Svampa y Sebastian Preyra*. Entre la rula y el barrio: la experiencia de las organizaciones piqueteras. Buenos Aires, Biblos, 2003.
- Maristella Svampa*, La década kirchnerista: Populismo, clases medias y revolución pasiva // Lasforum, otoño 2013.
- Pablo Stefanoni*. El pibe trosko // Anfibia, 2013.
- Razmig Keucheyan*. Hemisferio izquierda. Un mapa de nuevos pensamientos críticos. Madrid, Siglo XXI, 2013.
- Ricardo Martínez Mazzola*. Ni populistas ni conservadores: Dilemas y desafíos del socialismo democrático argentino.// Nueva Sociedad. № 261, enero-febrero 2016.
- Robin Blackburn*. Fin de siècle: el socialismo después de la quiebra. // Después de la caída. El fracaso del comunismo y el futuro del socialismo. R. Blackburn (ed.). Barcelona: Crítica, 1993.

---

²⁰ *Richard Rorty*. ¿Cantaremos nuevas canciones? // Giancarlo Bosetti. Izquierda punto cero.